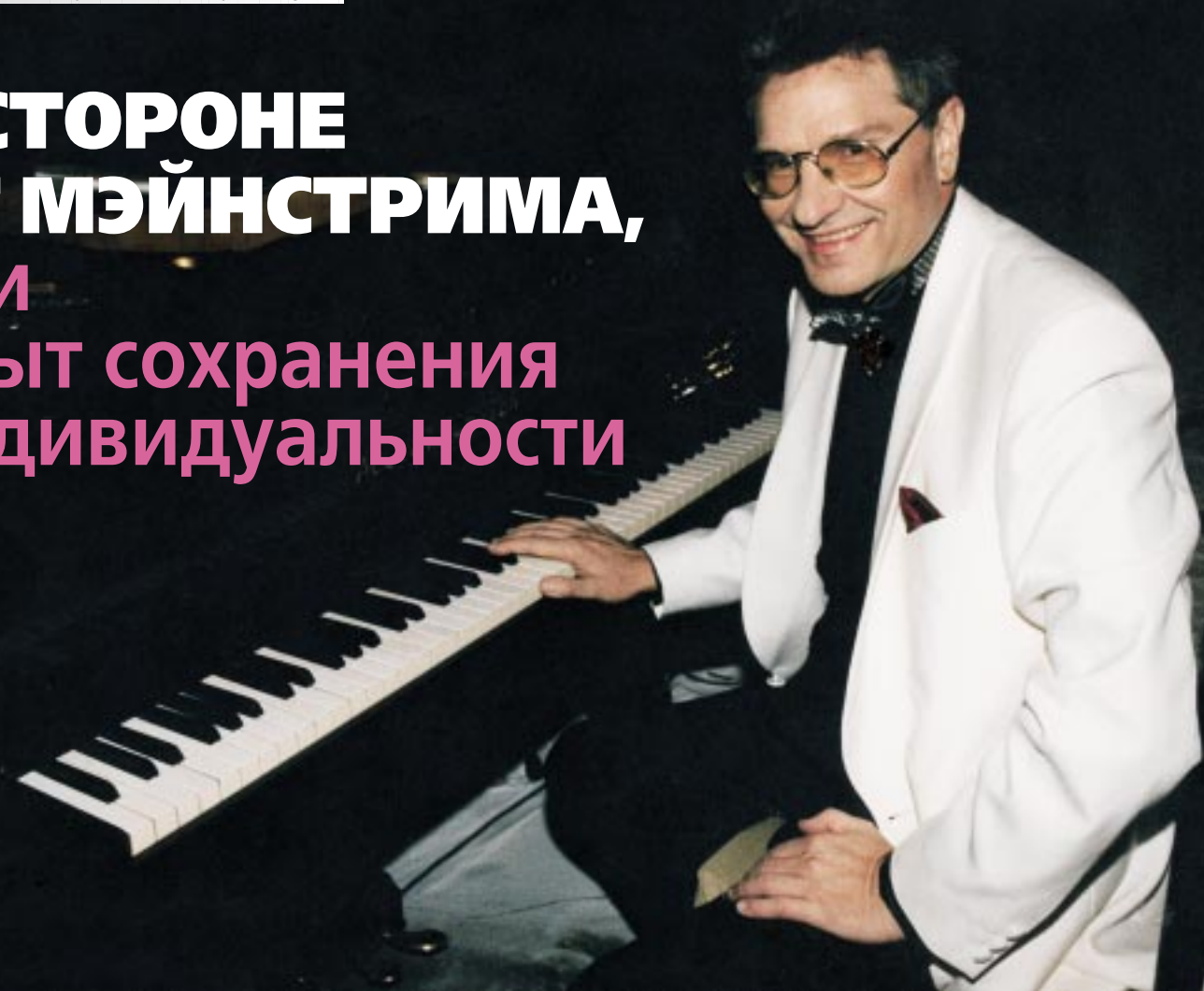

В СТОРОНЕ ОТ МЭЙНСТРИМА, ИЛИ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Давид Федорович ТУХМАНОВ, композитор, заслуженный деятель искусств России, лауреат премии Московского и Ленинского комсомола, народный артист России. Родился 20 июля 1940 года в Москве. Автор популярнейших советских песен, определивших во многом музыкальные вкусы семидесятых: «Я люблю тебя, Россия», «Родина моя», «Мой адрес Советский Союз», «Как прекрасен этот мир», «День Победы», ставшей официальным гимном фронтовиков. Автор музыки к многочисленным кино- и телефильмам. Совместно с поэтом Юрием Энтиным создал большое количество произведений для детей. Автор выходившего рекордными для своего жанра тиражами и выдержавшего многочисленные переиздания альбома «По волне моей памяти». С 1990 по 2000 год жил и работал в Германии, в основном в Кельне. С 2000 года постоянно проживает в Москве. Кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание». Недавно замечательный композитор побывал в редакции журнала «Признание» и ответил на несколько вопросов нашего корреспондента.

- Давид Федорович, в 2000-м, в год своего 60-летия Вы приехали из Германии, чтобы дать два юбилейных концерта, и с тех пор практически безвыездно живете в Москве. Можно ли это считать возвращением?

– Вообще-то я никогда не был эмигрантом, не менял гражданство и все эти десять лет постоянно бывал здесь, много работал. Но если уж очень хочется, то можно это назвать и возвращением. Конечно, если бы в России не произошли удивительные перемены, не было бы такой динамичной жизни, то, может быть, и не было бы для меня интересной работы, не было бы плодотворных встреч... Одно время мне вообще казалось, что люди потеряли вкус к традиционной песенной культуре, всех потянуло на необычное, новенькое, а то, что я писал и пишу, никому не понадобится. Правда, сегодня я понимаю, что это не так, любовь к мелодии, к пению у русских людей в крови, они охотно слушают и новые, и старые песни. И из того, что я сделал, многое исполняется и продолжает жить своей жизнью.

– Так, значит, все-таки отъезд был?

– Мне часто задают один и тот же вопрос. Почему? Вот, у вас так хорошо шли дела и почему вдруг вы уехали? Ну, во-первых, отъезд произошел по причинам личного характера, связанным с некоторыми семейными обстоятельствами, а во-вторых, это не было эмиграцией. Просто я долгое время пробыл за границей. Может быть, это и хорошо в какой-то степени, потому что, пожив за пределами России, я обогатил свой жизненный опыт, получил больше впечатлений, знаний о тех сторонах жизни, о которых в Советском Союзе мы судили понаслышке. Жизнь наша тогда сильно отличалась от жизни на Западе, и многим, а творческим людям особенно, было просто интересно посмотреть, как там у них.

– То есть для Вас это была некая попытка «переменить участь»?

– Да, именно так, вы совершенно правильно говорите. Слово эксперимент, возможно, здесь неуместно, но некий опыт над собой произведен был.

А с 94-го года я стал частенько приезжать в Россию. С Юрием Энтиным, замечательным автором, мы занялись большими программами для детей. Кстати, и он наведывался в Германию – в Кельне у меня студия, могу и сейчас там трудиться, просто работу организо-

вывать, конечно, удобнее уже здесь.

Детский проект возник у нас несколько лет назад. Это сейчас на официальном правительственном уровне заговорили о разработке культурных программ для детей. А тогда были уничтожены чуть ли не все источники детской музыки. «Союзмультфильм» очень пострадал, детских хоров почти не стало, прекратился выпуск новых детских записей... И мы решили создать такие циклы, чтобы произведения, которые туда вошли, можно было использовать по-разному: и в хороших репертуарах, и как сюжеты для мультяшек, и как номера в театральных представлениях, детских концертных программах и шоу. Существуют они и на дисках. Мы записали много вещей в исполнении известнейших певцов и артистов театра. Я могу назвать такие имена, как Армен Джигарханян, Наталья Гундарева, Валерий Золотухин, Михаил Боярский, Людмила Гурченко – все они замечательно исполнили произведения из «Детских картинок». На прошедшем недавно большом детском празднике в Кремлевском дворце, который назывался «Незнайка в Кремле», прозвучали 8 или 9 номеров из наших программ в исполнении таких артистов, как Филипп Киркоров и Аркадий Укупник.

– Раньше Вы очень мало писали для детей, ну а всеобщего признания, гиперпопулярности достигли в жанре песни. А каковы же Ваши нынешние творческие пристрастия?

– Сейчас мне очень интересен театр, меня привлекают крупные музыкальные формы. Одна из последних работ – музыка для спектакля Людмилы Гурченко «Мадлен, спокойно»; много оригинальных, новых сочинений на очень хорошие стихи замечательных поэтов. Кроме того, в последнее время я решил реализовать свои возможности в классике. Образование у меня было очень хорошее: я заканчивал Гнесинку по классу композиции. Но работа в поп-музыке, в песне очень увлекала, занимала все время. А тогда жанр этот был как-то очень востребован, да и я был помоложе, охвачен азартом...

– А под классикой что Вы подразумеваете? Инструментальную симфоническую, камерную музыку?

– В основном ораториально-хоровую. Я сейчас написал большое сочинение, которое в конце мая будет исполняться на празднике славянской письменности в Новосибирске. Это оратория, абсолютно академическое произведение. Хор, оркестр, солисты. Называется «Легенда о Ермаке». Тексты подобраны из разных источников.

С Президентом РФ В. Путиным во время торжественной церемонии присвоения звания «Народный артист России», 2001 г.

Строки из поэмы «Ермак» Л. Мартынова. Есть даже кусочки из «Экклезиаста». И использована, как цитата, разумеется, тема знаменитой песни на стихи Рылеева «Ревела буря».

– Десять лет, проведенные в Германии, позволили Вам по-новому взглянуть на Россию?

– Вы знаете, очень хорошо сказал Михаил Жванецкий, по-моему, эта фраза ему принадлежит: «Мы часто чувствуем себя эмигрантами в своей собственной стране». Видимо, он имел в виду, что сейчас страна стала совершенно другой, многое настолько непривычно и тяжело, особенно людям, перешедшим середину жизни, по крайней мере. Молодые, полные энергии, мы направляли ее на то, чтобы найти свое место, утвердиться именно в тех условиях, что были даны. И это лучшие годы жизни. Которые уже никто не может вернуть. Да, действительно, сейчас здесь бурная, динамичная жизнь, она, наверное, хороша для того, чтобы начинать. Но ведь когда начинали мы, нам в голову не могло прийти, что нужно, скажем, готовить себе обеспечение на старость. Мы, люди свободных профессий, еще как-то с этим справляемся, а большинство людей пожилых, которые столкнулись с возрастными проблемами, у них никакого выхода нет, потому что молодые-то годы не вернуть, и здоровье, и энергию...

Когда я уезжал в 90-м перемены только начинались, и атмосфера была очень неприятная, очень тяжелая. С одной стороны, чувствовалось давление партийно-государственной машины, которая уже всюду буксовала, давала сбои, а с другой стороны, нарождался какой-то класс, скажем, торговых людей спекулятивного толка... Ну а потом уже все стало так, как мы это видим и знаем сейчас.

Тем не менее нынешняя Москва творчески весьма богата, это очень столичный город – здесь всему найдется место. Прежде всего поражает расцвет театральной жизни: много новых коллективов, много известных актеров, которые свои театры создали самого разного толка, направлений. Вот я раньше мало интересовался авангардным театром. Мне, честно говоря, это было не очень близко. И потом, часто за авангардизмом люди прячут недостаток таланта, и не только у нас, а вообще, и в Европе, в Германии, например. Спекулируют на необычной форме, а за этим ни таланта, ничего нет. Ну а здесь я даже в этой области нашел для себя очень интересные вещи. Мне очень нравится театр режиссера По-

гребничко, я посмотрел там несколько спектаклей... Продолжается в Москве бурная филармоническая жизнь. Масса концертов и больших, и маленьких. Да и в эстраде больше движения.

– А нет ли у Вас каких-то ностальгических чувств по отношению к Союзу?

– Вы знаете, все очень непросто. Что-то хорошее утрачено, не все так плохо было. Что-то мешало, от многого удалось освободиться, но главное, конечно, тоска, ностальгия по молодым годам, и не надо ее подменять политикой. В Советском Союзе не было такой очевидной национальной розни, как сегодня. Теракты... Спрашивается, какова цена? Судить сложно. Я боюсь

– Я понимаю только одно, что в общественном устройстве эффективно действуют не люди, а некие системы, которые должны каким-то образом возникнуть, как-то сложиться. Часто один человек не в состоянии что-то изменить даже на каком-то узком участке. И, конечно, должно пройти очень много времени, прежде чем изменятся имеющиеся ныне ментальные стереотипы. И если говорить о влиянии на этот процесс государства или какой-то крупной общественной организации, то прежде всего оно должно выражаться в поддержке фундаментальных областей человеческой интеллектуальной деятельности. Я имею в виду культуру, науку. А также и религию. Эта область

На юбилейных торжествах в концертном зале «Россия». 2000 г.

вникать в это. И вообще считаю, что много о политике не нужно рассуждать, потому что наша информация неполна. Мы получаем то, что прошло через телевидение, газеты, радио. Другой информации у нас немного. И я очень хорошо понимаю, что технология СМИ весьма существенно искажает и эту, доходящую до нас. Остается только гадать, в пользу какой точки зрения допущен крен. Правда, русским читать между строк – не привыкать. Нам-то как раз легче вылавливать информацию, чем европейцам, которые вообще все, что идет с экрана, за чистую монету принимают.

– Журнал «Признание» последовательно выступает за построение гражданского общества в России. Каким гражданское общество видится Вам, каковы его перспективы в нашей стране?

духовной жизни, которая до сих пор в результате длительной атеистической пропаганды воспринимается нами искаженно. Необходимо вкладывать большие средства и усилия в образование, воспитание новых поколений начиная с самого раннего возраста. Вкладывать в то, что является нашим будущим. Необходимы затраты, сегодня! Образование ведь по наследству не передается.

И нужна некая единая организующая большая идея. Некая идеология. А ее нет, она не сформировалась. Я считаю, что без руководящей идеологии гражданское общество не выживет, оно не сможет противостоять внутренним противоречиям. Демократия, как результат, вещь очень хорошая, и мы, конечно же, хотим, чтобы все в нашей жизни было хорошо: чтоб люди соблюдали законы и чтобы у них первым

побуждением, первым движением было эти законы соблюдать. А не говорить, что закон – это телеграфный столб, который можно просто обойти. Пожив в Германии, я далек от того, чтобы идеализировать эту страну, но там правила и законы соблюдаются. И это значительно облегчает жизнь, скажем так. На бытовом уровне, на уровне деловых отношений. Просто привычка делать друг другу удобно: соблюдать законы и правила. Почему в России чиновничество занимается поборами? Оказывается, в России это было всегда, а не только при советской власти. Так что построение гражданского общества процесс долгий и одним движением, правильным законом, мудрой директивной мало что можно сделать.

– А какая идеология, по-вашему, способна пробудить общественное сознание?

– Это слово-то такое, оно сегодня дискредитировано, к сожалению. Но я представляю, что самым правильным было бы, если бы эта идеология каким-то образом сформировалась естественным образом, вследствие возникшей потребности. Мы так боимся идеологического радикализма и экстремизма, что руками и ногами открещиваемся от одного упоминания о руководящей идее. Потому что видели и видим не самые удачные примеры. Однако без идеологии нельзя. Она могла бы сформироваться на религиозной основе, но, к сожалению, различные религии противостоят друг другу, хотя Бог один. Но и плыть по течению, признав полное поражение, не стараться найти идеалов для себя, для общества, было бы неправильно. В конце концов, существует моральный кодекс, который

не надо изобретать, достаточно ему следовать, соблюдай десять заповедей – уже будет неплохо. К сожалению, идеология в нашем обществе не сформировалась. Часто хорошие патриотические лозунги оказываются на вооружении людей, примкнувших к фашистским, экстремистским политическим группировкам. Патриотизм используется для отрицания или принижения других народов. А Россия страна многонациональная. И волей-неволей приходишь к выводу, а может, не так уж и глупо было, не идиот был тот, кто придумал дружбу народов.

– Да, с ней легко и радостно, как с вашей песней «Я, ты, он, она»...

– Вот, кстати говоря, с этой песней связана хоть и маленькая, но все-таки история. Как-то мы были в гостях у Роберта Рождественского, и он показал недавно выпущенную детскую книжечку – такая забавная, в виде матрешки. Оригинально изданная книжка-игрушка с его стихами. И там я нашел эту считалку. Слова мне понравились, и я придумал песню. Но коротенького стиха хватило только на припев, и тогда я попросил Роберта дописать на готовую мелодию стихи для куплетов, и таким образом получилась эта песня. К моему юбилейному концерту нам с Софией Ротару пришлось ее делать заново, и запись, а заодно и новую аранжировку. И вообще к концерту я делал практически все заново. Потому что многие старые записи плохо звучали, многие испортились, осыпались. И когда Ротару запела эту песню с детьми на сцене, мне было очень приятно наблюдать за реакцией зала. Казалось бы, какая-то советская бодрая агитка, но я вижу, что публика как бы отмечает все наслоения и просто воспринимает слова песни в их первоначальном смысле. И у людей радость на глазах, со слезами... Я убежден, песни, где есть подлинные эмоции, радость, например, где живут фундаментальные человеческие чувства, при любых обстоятельствах продолжают воздействовать на публику.

Ну а потом, даже если это агитка. Пусть, не надо нам ни «вместе целая страна», ни «я, ты, он, она», ни дружбы народов. Ничего этого нет, и не надо! Но получается, что образовавшийся вакуум ничем не заполняется и что мы получили взамен? Давайте посмотрим. Развлекаловки – сколько хочешь, повеселиться можно, ночных клубов – сколько хочешь, со всеми вытекающими последствиями. По улице Горького, по Тверской, не так давно пройти было нельзя, через проститутку, как сквозь строй, продирались. Это цена, которую приходится платить за то, что мы назы-

ваем свободой. Хотя, честно говоря, я очень скептически отношусь к этому понятию. Я считаю – это миф. Никто не свободен никогда и ни в чем.

– А отсутствие цензуры, свобода совести?

– Свобода совести – пожалуй, единственное, что может быть реальным. Я просто хочу сопоставить то, что было позитивным и хорошим, с тем, что мы имеем сегодня. Действительно, сегодня можно говорить все, что хочешь. Нет страха, прежних опасений. Нас, кстати, воспитывали очень зажатými, скованными в общении, целые поколения такими вырастали... Словом, все не однозначно.

– Да, перестройка это не просто лозунг. Обретая свободу, приходится именно перестраиваться, социальные перемены требуют перемен психологических. Ну а смена динамических стереотипов – довольно болезненный процесс...

– Я должен сказать, что все время у меня был какой-то свой модуль, видимо, в силу специфики профессии, которая достаточно изолирована от всяких там трудовых коллективов. Профессия индивидуального, а может быть, даже кустарного свойства. Поэтому я себя всегда ощущал аутсайдером что ли. Не то что бы социальным, а как бы в стороне от общего потока, от мейнстрима. И надо сказать, что это состояние у меня по сию пору не проходит. Я и сегодня, в общем-то, занимаюсь тем, что отстаиваю свою индивидуальность, свою личность от внешних посягательств. Но нынешний натиск кардинально отличается от прежнего. Он рыночный. Потому что цензура рынка тоже существует. И похлеще той, прежней, будет. Но и от нее себя можно отделить, если не ставить цель заработать миллионы. А ведь они тоже могут быть целью, даже и в искусстве. Но это уже иные принципы работы, иные приоритеты. А так, в конце концов, найдется какой-нибудь способ с минимальными потерями обеспечить себя необходимым, почувствовать, что свободен от бытовых, житейских проблем, и не заниматься коммерцией. И считать себя свободным. А значит, и быть свободным. Правда, это не так-то просто психологически. Совсем не просто.

– Советская власть легко предоставляла такую свободу людям искусства. Например, неопубликованные рукописи Михаила Булгакова десятилетиями копились в красной этажерке. А прожиточный минимум обеспечивался пожалованной с царского плеча должностью в Художественном театре,

зарплатой консультанта-либреттиста в Большом.

– Вот видите, даже такой светлейший для меня человек, как Булгаков, не избегал подобной участи. Жизнь, окружение, житейские заботы и тревоги, сиюминутные, насущные проблемы заставляют человека метаться. Я стараюсь и, во всяком случае, надеюсь, что так получается, противопоставлять себя давлению извне, отстаивать свою позицию. Оказывается, сегодня это даже труднее, чем тогда. Раньше достаточно было выключить какой-то клапан и отстраниться от всего. Да, это была большая шарашка, но забыл про нее, выключился, и все, и живешь своей жизнью. Такой интрузии, такого вторжения, как сегодня, в сферу духовной жизни не было. А сейчас: бесконечная реклама с экрана, сомнительная пропаганда, навязывание приоритетов, амбициозность, игры эти бесконечные. Экран – мощное средство воздействия, с ним справиться трудно. Когда мне говорят, не нравится – не смотри, выключи, – это большое лукавство. Значит, вы меня лишаете телевизора? Я хочу смотреть, но то, что хочу. Нет, они начинают рейтинги там какие-то свои устраивать. Говорить, что вот их много, тогда, значит, это правильно, а если ты один... И это тоже лукавство, потому что сто человек могут быть глупее одного. Прессинг в духовной сфере сегодня очень велик. Причем он гораздо более изощрен, чем раньше. С прежним легче было конфронтировать, он был примитивен и расшифровывался одним щелчком. Щелчок, и все. Посмеялись, забыли, и нет этого. Мы к этому даже привыкли. Научились не то что бы мириться, а скорее научились с этим обращаться. И так было для многих кругов интеллигенции, я бы даже сказал внутренних диссидентов. Я если и мог бы себя причислить к диссидентам, то не к внешним, а к тем, кто отстаивал свою собственную духовную сферу, не вступая в конфликт с ветряными мельницами.

– А кроме рыночного прессинга что-нибудь еще мешает

творчеству? Возможно, отсутствие денег для реализации какого-нибудь проекта?

– Мне ничего не мешает. Я просто не ставлю перед собой задач коммерческого плана. Да, для начинающих авторов это, наверное, весьма существенная проблема. Они себя еще утверждают, им нужно заработать имя, получить известность, признание. Меня же коммерческие задачи не интересуют, ведь я же не продюсер и самопродюсерством не занимаюсь. Я выполняю заказы. Я выступаю как композитор, автор. Вот сейчас я буду выполнять заказ для юношеских Олимпийских игр, которые будут в Москве в июне. Много музыки для огромного праздника.

– А песни какие-нибудь будут?

– Возможно, будет и пара песен. А главное, много специфической музыки, которая требуется для этого действия: и марши, и сопровождение ко всяким фейерверкам. Музыка несколько прикладного характера. А вообще-то меня больше всего интересует театр, музыкальный театр, в частности.

– И какие же с ним у Вас связаны творческие планы, если не секрет, конечно?

– Об этом я не хочу говорить заранее, а о другой, завершённой работе расскажу. Весь последний год я был очень увлечен ею, но какая ее ждет судьба, сказать не берусь... Я имею в виду цикл баллад и романсов на стихи Бориса Поплавского. Это русский поэт парижской эмигра-

ции 20-х–30-х годов. Умер очень молодым, ему, по-моему, и сорока лет не было. Одно время был совершенно забыт, но в последние годы стали появляться сборники, и теперь напечатано практически все, что от него осталось. Мне показалась, что его поэзия очень хороша для музыки. Сначала я решил, что творчество Поплавского близко к декадентству, к поэзии Северянина. Но это было лишь самое первое впечатление. Когда я стал пробовать работать с музыкой, я обнаружил там совершенно иной, какой-то очень драматургичный слой. К тому же поэзия Северянина крепко привязана и образным строем, и лексикой к своей эпохе, а эти стихи звучат как-то очень современно. И как у гениальных или очень талантливых поэтов в его стихах есть прозрения, откровения, встречаются и поистине пророческие строки. Я сделал целую музыкальную программу. Это программа сольная и требует не только пения, но и актерского мастерства. Она уже написана, а исполнителя я пока не знаю, не вижу. Иногда я сам исполняю фрагменты из нее на авторских вечерах, публике, кажется, нравится. Ну, а там видно будет. Это абсолютно свободная работа. Она хороша именно тем, что совсем ни от чего не зависит. А если человек имеет возможность заниматься тем, что ему нравится, это прекрасно. Конечно, если бы какие-то государственные или общественные институты поощряли бы грантами творческих людей, создавали возможности молодым авторам для творческой независимой работы, это был бы самый лучший стимул для развития культуры. Кстати, ценна не только материальная, но и моральная поддержка. Не так давно я был награжден Золотым Почетным знаком «Общественное признание», и, знаете, этот симпатичный знак я постоянно с удовольствием ношу. Раньше никогда в жизни никаких значков не носил на пиджаках. А этот ношу. Он красивый. И мне очень приятно, что такая нужная, влиятельная организация меня отметила. Ведь признание так необходимо творческому человеку. Мы же ведь для людей работаем.

Беседовал
Никита ПАВЛОВСКИЙ

